

Поэзия русской души...

Дорога Владимира Силкина

Стоял тёплый осенний вечер. Я был в гостях у своего хорошего друга, замечательного православного поэта и прозаика Владимира Богатырёва. Я любил бывать в его крошечной однокомнатной квартирке в Долгопрудном, или как он любовно называл «Долгопе», сплошь заваленной книгами и архивными папками, с множеством икон и какой-то особенной атмосферой. Его супруга Лидия Ивановна потчевала нас чаем, настоянным на травах, и подшучивала над супругом, который не спеша рассказывал мне историю, видимо хорошо ей знакомую. Я же слушал своего собеседника буквально с открытым ртом — так интересны и поучительны были его рассказы.

В то время он редактировал литературный ежегодник «Слово Отчее». Делал он это с большой любовью, поэтому был требовательным, даже придирчивым редактором, но сотрудничать с ним было очень интересно. На этот раз я рискнул показать несколько стихотворений о войне. На его немой вопрос, объяснил, что подбирался к этой теме много лет. Я дитя войны, отец мой воевал, а его фронтовые друзья рассказали мне много такого, чего я никогда не видел ни в одном военном фильме и не читал ни в одной книге.

Как ещё один аргумент, я сказал, что прочитал всю поэтическую военную антологию, вплоть до газетных публикаций военных корреспондентов. Мой добрый друг внимательно прочитал стихи и некоторые отобрал для публикации. Потом поднялся, порылся в своём громадном архиве и протянул исписанный тетрадный листок. Я прочитал пронзительное стихотворение необыкновенной душевной силы о войне, но о войне в Афганистане. К своему стыду, автора я не знал. А это был современный поэт Владимир Силкин. Это случилось пятнадцать лет назад, и с той поры я внимательно слежу за его творчеством.

И вот — новая книга Владимира Силкина «Кланяюсь в пояс дороге», вышедшая в белгородском издательстве «Зебра». Вместо подзаголовка «Стихи», я бы поставил «Лирика»: мне бы хотелось, чтобы читатели относились к этому определению в его изначальном смысле, чему в полной мере и соответствуют собранные в книгу произведения. В настоящей лирике более чем где-либо душа художника сливается с данным предметом или явлением в одно нераздельное состояние. Задушевность — первый признак лирической поэзии.

Поэт обладает поразительной глубиной и неповторимой оригинальностью восприятия, воспроизведения и создания образа видимой, чувствуемой им действительности. Его стихи воплощают то философское единство человека и природы, когда природа даёт самочувствие вечной жизни, определяя нравственную меру вещей и явлений. Объединяет мироощущение поэта именно внутренняя гармония, воплощённая в стихах, нераздельность чувства и мысли, когда в них органически переплетаются радость жизни, грусть, печаль, сознание скоротечности бытия.

Необходимо особо отметить, что задушевность стихотворений Силкина отличается истинно русскими чертами, как у человека и поэта с глубокими народными

корнями. У него громадный жизненный опыт. Игорь Северянин, кстати, был убеждён: «Родиться русским слишком мало — им надо быть, им надо стать». Русские своё представление о нации всегда связывали с русской душой и духовностью. О русской душе, русской жизни, русской манере страдать, бунтовать, любить, о необузданной, неукротимой, богатырской, молодецкой, шальной, забубённой русской удали — том фантастическом духовном мире, в котором почти неправдоподобно сплетены несовместимые качества этого могучего лихого племени написаны горы книг. Но основой русской духовности в свете национальной традиции служит жизнь человека с позиций идеалов истины, любви, добра и красоты.

Поэтическое дарование Владимира Силкина, продолжая традиции великой русской классической поэзии, позволяет читателю окунуться в мир неподдельных чувств и образов. Поэт обладает собственным мироощущением, и его творчество претерпевает явную эволюцию: от «малой родины» до обобщённого образа «большой» Отчизны. При этом эстетическую основу образа Родины в его стихах создаёт

очеловечивает её. У него «И стада заблудившихся туч разревутся, что малые дети». А цветок — живое существо: «...Смахнул с ресниц слезу, / Открыл глаза, увидел поле». У берёзы «ранимая душа». И, как милой женщиной, поэт любит осень в стихотворении «Сентиментальный вальс»: «Поздняя осень в оранжевой кофточке / Молча стоит под окном».

С какой задушевностью рисует поэт картинку, в которой сливаются в единое целое его любимая осенняя пора, милый сердцу Рязанский край и красота среднерусской природы в стихотворении «Осеннее Константиново»:

Подышать берёза вышла
За околицу с утра.
И всё кажется, кому-то
Нежность выплеснет сейчас.
И глядит с улыбкой утро
Из её огромных глаз.

Души пророчества правдивы...
Д.В. Веневитинов

ётся: «Я всё молчал в ответ на клевету, / И уходил от неприятных споров. / ...Прощаю всем безумства и хулу». И в яркой зарисовке любит неперехватываемыми качествами русской души в стихотворении «Не верю неподвижным поплавам»:

О Русь моя, ну что ты за страна!
Играешься до старости в игрушки...
И верю я, что именно у нас
Иван-дурак женился на лягушке.

Владимир Силкин понимает, что поэт должен уметь слушать не только собственную душу, но и душу народа. Следуя развитию народнопоэтической традиции, поэт наследует идеалы народной нравственности и образности разговорной речи. В своих стихотворениях он часто использует разговорную лексику, чем обогащает текст и недвусмысленно заявляет читателю о своих истоках.

По всей книге разбросаны ароматные слова и обороты: «уйдёт в бучило», «перемёт на перекате», «младенцы в зыбках спят», «какая стынь», «да побольше б воды зарастающим ряскою рекам», «затопочу любую гусь», «жарь до яблоч перёхом», «шагнёшь к душистой берёвинке». Как говорит сам поэт: «Я забытые словечки / В книгу красную пишу». Следуя той же традиции, он тщательно оберегает музыкальную основу своей поэзии, поэтому многие стихотворения Владимира Силкина стали задушевными песнями.

Веря в своё предназначение, автор абсолютно уверен в том, что «поэт живёт и правит властью, заключённой в строке». И потому незбылемо следует твёрдому правилу, которое адресует и всем тем, кто стал на литературную тропу:

Не подставляй лица гордыне,
Не верь во всякую хвалу,
Трудись, как проклятый, отныне,
Пришитый строчками к столу.

На поэтическом творчестве Владимира Силкина, много повидавшего и пережившего, лежит явная печать философских воззрений. Его философская мысль является образной тканью стиха. И это естественно для русского поэта. В русской культуре философской поэзии принадлежит особое место, её художественные открытия напрямую воздействовали на литературный процесс. И в этой небольшой по объёму книге имеются простые, но основополагающие жизненные принципы, которые заключаются в выразительных строках: «Но жаль, что жизнь так быстро убывает / И боязно чего-то не успеть / ...И очень страшно не понять природу, / И боязно судьбу предугадать».

Несомненно, в лице Владимира Силкина мы имеем достойного продолжателя духовного начала в русской классической поэзии. Его творчество, сохраняющее традиции русского мира, — заметное явление в литературной жизни современной России.

Юрий РЫЧЕНКОВ

Фото Владимира Фёдорова

гармоничное единство человека с природой. Без всякого пафоса, казалось бы, в самом обыденном поэт сумел передать свои чувства к родной Земле, когда он любит её, но втайне по добродушью завидует ей, как живому существу, потому что она, усмехаясь над ним, говорит: «Всё на земле я вытерпеть могу, / Поскольку я выросла в ней корнями». Как проникновенно звучат строчки о родной земле: «Любите её и целуйте. / Она, как родимая мать, / Вас будет всегда принимать».

Владимир Силкин как патриот своей Отчизны понимает, что без прошлого нет будущего. Поэтому так ярко образ древней земли русской: «Над куполами зрела Русь / И прорастала чистым снегом», и так жива память, как в строках стихотворения «Наследство»:

Зато на сто вёрст синева,
Зато облака под ногами,
И песни, в которых слова,
Для нас собирали веками.

Владимир Силкин настолько ощущает своё единство с природой, что буквально